

*Посвящается женщинам, которые служат
в армии, покинув дом, друзей и семью.
С благодарностью, любовью и уважением.*

*Особенная благодарность
сержанту Бетти Терман, поделившейся
с автором историями из своей жизни.
Любые неточности в этой книге
произошли по моей вине.*

*Я благодарю Дженнет Бланко,
прочитавшую эту книгу — «для проверки».
Огромное спасибо за ваши замечания
и предложения. Привет фанатам группы
«Золото Дураков»! Вы лучше всех!*

ГЛАВА 1

— Завтра я отправлюсь на войну. Может, не
вернусь.

Мишель Сандерсон разглядывала почти новый (всего-то пять лет) грузовик, раздумывая, стоит ли его покупать. После этих слов она медленно повернулась к парню.

Совсем мальчишка — лет восемнадцать или девятнадцать, рыжеволосый и с веснушками. Шустрый, но слишком-слишком молодой. Впрочем, руки-ноги длинные, да и грудь еще раздастся. «Все-таки скорее мужчина, чем мальчишка, — подумала она, — но пока еще не дозрел».

— Извини, — сказала она, почти уверенная, что ослышалась. — Что?

Он подмигнул ей с широкой ухмылкой:

— Может, я не задержусь в этой жизни. Вот ты купишь сейчас тачку, а потом давай выпьем. Я иду в армию, понимаешь? Давай обмоем это дело.

— Сейчас два часа дня.

— Тогда можем заехать ко мне домой.

Мишель не знала, то ли ей рассмеяться, то ли отшить его, да так, что он заплачет, как маленькая девочка. Уж ей-то не привыкать. Она служила в армии десять лет, причем половину из них в Ираке и Афгане. Ей нередко приходилось отши-

вать похотливых ребят, уверенных в своей неотра-
зимости, и у нее был солидный опыт по этой части.

Смеяться ей, впрочем, было тяжело. У нее бо-
лело все тело. Не только бедро, словившее не так
давно парочку афганских пуль, после чего ей ча-
стично заменили сустав, но и все остальное. Она
провалялась в госпитале дольше, чем ей хотелось
бы. Физиотерапевт заверял ее, что все постепенно
пройдет. Она пыталась качать права, мол, рано вы-
писывают, и ее оставили еще на три дня, но потом
все-таки выпихнули.

— Слушай, я не старовата для тебя? — спро-
сила она.

— Зато опытная. — Парень подмигнул.

Она все-таки засмеялась, несмотря на боль:

— Да, конечно. Фантазии покоя не дают?

— Спрашиваешь!

Его так и разбирает, подумала она, с каждой
секундой все сильнее ощущая усталость. А еще,
вероятно, ему не успели проверить зрение. Она
знала, что не в лучшей форме: бледная, похудела,
пока валялась на больничной койке, глаза ввали-
лись, волосы тусклые. Ходит, опираясь на трость.
Парень молодой, гормоны разбушевались, и он
ничего не видит.

Сообразить, как отказаться от его приглашения,
она не успела: из-за угла выскочил желтый лабра-
дор и помчался к ней. Мишель торопливо отсту-
пила на шаг, чтобы он не сбил ее с ног. Это дви-
жение дало нагрузку на бедро, и все ее тело про-
нзила острая боль.

На секунду все поплыло перед глазами. Она по-
чувствовала, что вот-вот потеряет сознание. К гор-

ду подкатила дурнота. Ничего себе выбор, в отчаянии подумала она, стараясь прийти в себя, не нужно мне ни того ни другого. На удивление сильная рука обхватила ее и удержала от падения.

— Бастер, уйди.

Мишель заморгала, и прохладный, сырой день вернулся на свое место. Огонь в бедре уменьшился, и она смогла дышать. Парнишка стоял так близко, что она видела веснушки на его носу и маленький шрам на правой щеке.

— Ты как, нормально? — спросил он.

Она кивнула.

Он немного отошел и пристально посмотрел на нее. Пес тоже отбежал и тревожно повизгивал, глядя на нее темными глазами.

Она протянула к нему руку:

— Все о'кей, Бастер. Все нормально.

Пес подошел и обнюхал ее пальцы, потом быстро лизнул.

— Эй, Бастер, я сам хотел это сделать, — сказал парень и неуверенно засмеялся.

— Извини. Он мне больше приглянулся. — Мишель улыбнулась.

— У тебя что-то болит?

Она слегка подняла трость:

— Ты думал, это у меня для понтов? Модный аксессуар?

— Вообще-то, я даже не заметил ее.

Кажется, она была права и у него в самом деле что-то со зрением.

— Просто недавнее ранение. Пуля задела. — Вообще-то, пуля серьезно повредила мышцы, кость и несколько сухожилий, но кому это интересно?

Парень посмотрел на ее трость, на армейский ранец на тротуаре и снова заглянул в глаза Мишель.

— Ты была там? — спросил он.

Слово «там» можно было бы отнести к сотне мест, но она знала, что он имел в виду. И молча кивнула.

— Круто. Ну и как там? Тебе было страшно? Как ты думаешь... — Он вздохнул, потом выпалил: — Я смогу это выдержать, как ты думаешь?

Ей хотелось сказать ему: нет. Что остаться дома, тусоваться с друзьями, ходить в колледж было бы гораздо проще. Безопаснее. Удобнее. Но простой путь не всегда лучший, а некоторые люди готовы платить любую цену, только бы поучаствовать в каких-нибудь эпохальных событиях.

Сама она оказалась в армии по менее романтическим причинам, но со временем перековалась в солдата. Загвоздка состояла в том, как ей теперь повернуть все вспять — к нормальной жизни.

— У тебя все будет в порядке, — сказала она, надеясь, что это правда.

— Я стану героем? — спросил он с ухмылкой и похлопал рукой по пикапу. — О'кей, ну, ты меня прямо смутила. Такая сексуальная да еще и ветеран войны. Но я все равно буду стоять на своем. Я хочу десять тысяч. И ни цента меньше.

Сексуальная? Вот это уже совсем смешно. На нынешнем этапе жизни она с трудом могла представить себя подружкой девятнадцатилетнего парня. Хотя — еще бы! — такой комплимент всегда приятно услышать.

Она снова переключилась на автомобиль. Выглядит прилично, сравнительно новые шины и

лишь парочка вмятин. Пробег тоже не слишком большой; это позволит ей спокойно проехать несколько лет, не думая о ремонте.

— Десять — офигенно много, — ответила она. — Я плачу налом. Меня устроит что-то ближе к восьми.

— К восьми? — Он прижал руки к груди. — Ты меня убиваешь. Неужели ты хочешь убить меня, будущего героя?

— Ладно тебе, детка, — засмеялась она. — Давай прокатимся и заедем к моему приятелю-механику. Если он скажет, что машина хорошая, я дам тебе девять с половиной, и можешь считать себя в выигрыше.

— Дело говоришь.

* * *

Через два часа Мишель высадила парня — Брендона — возле его дома. Знакомый механик осмотрел грузовик и показал большой палец, после чего она рассталась с аккуратной пачкой новеньких банкнот. Взамен забрала документы и ключи.

Теперь, отъезжая от дома Брендона, Мишель поглядывала на серое небо. Она вернулась в штат Вашингтон, на его запад, где дожди шли так часто, что солнечный день становился сенсацией и о нем писали газеты. Везти вещи в кузове было рискованно, они легко могли намокнуть, но она решила, что тучи выглядят скорее ленивыми, чем зловещими, и она доедет до дома без дождя.

Дом. Он был так далеко от места, где она провела последние десять лет. Ежевичный остров, на-

стоящий островок¹ в заливе Пьюджет-Саунд, соединенный с материком длинным мостом, может, технически и находился недалеко от Сиэтла, но это был совсем другой мир. Единственный городок на острове гордо именовал себя Новой Англией Западного побережья. Мишель никогда не понимала зачем.

Тихий туристический остров с разнообразными магазинчиками и неторопливым течением жизни славился в первую очередь ежевикой. На нем было полно глухих традиций, а ритм сезонов всегда казался ей досадно нелепым. Во всяком случае, раньше. Но то, что она когда-то не ценила, теперь выглядело вполне привлекательным.

Она поерзала на сиденье; боль в бедре никогда не исчезала. Физиотерапевт клялся, что все быстро пройдет и что Мишель поправится быстрее, чем думает. Ей уже надоел сам процесс выздоровления — он тянулся чертовски долго. Но торопить тело было совершенно незачем.

Она выбралась на приличную дорогу, потом на автостраду. Вписалась в поток и поехала на север. Ее удивило количество машин. И порядок на дороге. За последние годы она привыкла к «Хаммерам» и десантным боевым машинам, а не к спорткарам или внедорожникам. Успела она забыть и здешний сырой, холодный воздух. Она включила

¹ Слово «Айленд» (Island, остров) часто встречается в англоязычных топонимах (например, в названии американского штата Род-Айленд), однако не всегда относится к настоящим островам, в отличие от этого случая. — *Здесь и далее прим. ред.*

печку и пожалела, что не вытащила из рюкзака куртку. Не важно, что на дворе май. В этой части страны погода не для неженки. Лето наступает поздно. К счастью, туристы его не ждут и заявляются раньше.

Она знала, какими будут ближайшие четыре месяца. Со Дня поминовения в конце мая и до Дня труда в сентябре остров будет набит туристами. Они приезжают ради знаменитых журавлей Пьюджет-Саунда, катания на лодках и ежевики. Ежевичный остров, как всем известно, жемчужина Западного побережья. Туристы наполняют рестораны, магазинчики, будут покупать всякие поделки. И есть ежевику.

Они будут добавлять свежую ежевику в оладьи, салаты и вообще в любые блюда, известные человеку. Будут покупать в ларьках ежевичное мороженое и пирожки с ежевикой, кухонные полотенца и кружки с ежевичными рисунками и пробовать сомнительные результаты ежегодного кулинарного состязания «Ежевика с перцем». И что лучше всего — они займут все свободные комнаты в радиусе пятидесяти миль. Включая номера в отеле «Ежевичный остров».

Мишель буквально услышала радостное гудение гостиничного счетчика банкнот. Как и почти любой бизнес на острове, отель каждый год зарабатывал почти все деньги за эти четыре драгоценных месяца. Дни будут длинные, часы — бесконечные, от работы будет разламываться спина, но после долгого отсутствия Мишель не терпелось включиться в жизнь отеля. Вернуться в то место, где ничего и никогда не меняется.

* * *

— Она уже здесь? — спросила Дамарис, остановившись в дверях кабинета.

Карли Уильямс оторвалась от гостевой карточки, на которой писала приветствие. Отель «Ежевичный остров» предлагал своим гостям персональный сервис. Перед их приездом Карли узнавала, кто они такие, и оставляла в номере приветственные карточки. Немолодые супруги Баннеры, регулярно приезжавшие на остров полюбоваться на журавлей и отведать вина, как-то обмолвились, что очень любят воду. С тех пор Карли следила, чтобы они жили в номере с окнами на запад, а на их приветственной карточке было фото залива Блэкберри на закате.

На листе бумаги валялись обрезки ленточек и тесемок и погнутый пинцет. Там же стоял клеящий карандаш. Карли машинально стряхнула с ладони маленькую блестку.

— Еще нет, — ответила она и улыбнулась. — Я ведь сказала, что дам тебе знать, когда она придет.

Дамарис вздохнула. Очки сползли на кончик носа, придавая ей вид рассеянной особы. Новички из obsługi не раз жестоко обманывались, надеясь, что она не заметит опоздания или оплошности официантки, не предложившей гостю кофе.

— Я надеялась, что она уже здесь, — сказала Дамарис. — Я так соскучилась по Мишель. Так давно ее не видела.

— Это верно, — пробормотала Карли; ей не хотелось думать о том, как изменится ее жизнь после

возвращения Мишель. Как бы она ни напоминала себе, что Мишель ранена, у нее все равно жгло и тянуло под ложечкой.

Теперь все стало по-другому, уговаривала она себя. Последние три месяца она разумно управляла отелем совсем одна. Она была ценным работником для отеля. Вот только поймет ли это Мишель?

Дамарис зашла в кабинет и села возле стола.

— Я до сих пор помню, как она наняла меня, — вздохнула пятидесятилетняя повариха. — Сколько ей тогда было? Шестнадцать? У меня дети были старше ее. Она сидела вот там же, где ты сейчас. Такая перепуганная. Я видела, как она дрожит. — Узкие губы женщины растянулись в улыбке. — Она взяла в библиотеке книгу с советами, как проводить собеседование. И пыталась спрятать ее под бумагами, но я все видела.

Улыбка сползла с ее лица, а темные глаза прищурились.

— Ее матери, Бренде, тоже не мешало бы в свое время заниматься такими вещами, но она никогда этого не делала. А Мишель любила этот отель.

Карли вздохнула. Они с Дамарис много раз спорили на эту тему. Карли соглашалась, что да, у Бренды имелись недостатки, покойница была не подарок. Но ведь она спасла Карли. Дала ей работу и цель в жизни. Так что Карли в долгу перед ней. А что до Мишель...

— Надеюсь, ей понравятся перемены, — отрешенно пробормотала Карли. Грудную клетку стянуло напряжение, причем настолько сильно, что ей пришлось заставлять себя расслабиться, чтобы сделать глубокий вдох. Ей больше не нужны